

ОСКОЛКИ ПИТЕРСКОГО РАССВЕТА

Ирина Самородова

«Клин клином. Новая
взрослая страсть на
руинах девичьих грез»

Ирина Самородова

**ОСКОЛКИ
ПИТЕРСКОГО РАССВЕТА**

«Автор»

2026

Самородова И.

**ОСКОЛКИ ПИТЕРСКОГО РАССВЕТА / И. Самородова —
«Автор», 2026**

Выпускной рассвет обещал семнадцатилетней Кире бесконечное счастье. Клятвы Глеба в вечной любви и его отказ от давней мечты ради того, чтобы быть с ней на одном факультете, казались нерушимыми. Но взрослая жизнь безжалостно бьет под дых: внезапная семейная трагедия вынуждает Глеба бросить институт и уйти в жесткую реальность, возведя между влюбленными ледяную стену молчания. В канун Нового года сказка окончательно разлетается на осколки, когда Кира сталкивается с чудовищной, коварной ложью. Раздавленная предательством, она уверена, что её сердце замерзло навсегда. Однако предновогодний вечер меняет всё... Кира попадает в закрытый мир роскоши и светского зазеркалья. Но можно ли довериться чужому спасительному теплу, если прошлое упрямо преследует по пятам?...

© Самородова И., 2026

© Автор, 2026

Ирина Самородова
ОСКОЛКИ ПИТЕРСКОГО РАССВЕТА

Глава 1

Глава 1. Осколки питерскогорассвета

Санкт-Петербург медленно, почти неосяземо погружался в призрачную дымку знаменитых белых ночей. Воздух над городом, напоенный сладким, дурманящим ароматом цветущей сирени и прохладой близкой Невы, казался хрустальным и звенящим. В нем витало то самое щемящее, неповторимое чувство абсолютной свободы, которое бывает лишь раз в жизни — на стыке беззаботной юности и пугающего взрослого будущего. Официальная, уютно-мнительно-чопорная часть выпускного бала с её фальшивым гляncем и речами учителей осталась далеко позади, в душном ресторанном зале. Теперь шумная, хмельная и поющая толпа вчерашних школьников организовано потянулась к знаменитой Сопке любви. Эта высокая смотровая точка на самой окраине города в этот час казалась центром вселенной. Отсюда, с обрыва, открывался потрясающий панорамный вид на засыпающий мегаполис, расцвеченный миллионами неоновых вывесок, и зеркальную, свинцовую гладь Финского залива.

Семнадцатилетняя Кира шла в окружении своего класса, изящно придерживая тонкими пальцами подол легкого шифонового платья пастельного оттенка. Она обладала той редкой, хрупкой и утонченной красотой, которая мгновенно приковывала к себе взоры, выделяя её даже в самой пестрой толпе. Изящные, тонкие черты лица, точеная фигурка и огромные, пронзительные серо-зеленые глаза, в янтарной глубине которых сейчас яркими искрами отражался блеск далеких проспектов. Прямые, тяжелые волосы цвета темного шоколада мягкими волнами рассыпались по её плечам, оставляя шею беззащитно открытой для резкого утреннего ветра. Последние два года за Кирой постоянно, буквально по пятам, преследуя её на каждой перемене и карауля у школьных ворот, волочился парнишка из параллельного класса — Глеб. Он никогда не был похож на капризных мальчиков из золотой столичной молодежи. Высокий, широкоплечий, со строгой, почти военной выправкой и волевым, упрямым лицом, на котором уже тогда угадывался негибимый мужской характер, Глеб всегда держался особняком. Его темные, почти черные глаза смотрели на мир со скрытым, глубоким умом начитанного человека, но стоило Кире появиться поблизости, как в них загорался преданный и горячий огонь. Весь поток знал о его безответной, отчаянной влюбленности, но гордая Кира до этой самой ночи лишь рассудительно держала дистанцию.

На Сопке любви Глеб разыскал её почти сразу, словно ведомый невидимым магнитом. Среди сотен смеющихся выпускников его сильная фигура безошибочно выхватила из толпы шоколадные волосы и тонкий силуэт девушки. Всю эту волшебную ночь он не отходил от неё ни на один шаг, вплоть до самого рассвета. Глеб окружил её такой трепетной, взрослой заботой, какой Кира еще никогда не знала. Он мягко оберегал её от слишком навязчивых друзей, без конца приглашал на медленные танцы под доносившуюся из динамиков музыку и то и дело приносил ей бумажный стаканчик, наполненный искрящимся, шипящим шампанским. Алкоголь приятно кружил голову, плавно стирая прежние барьеры гордой рассудительности, а его низкий, бархатный голос, шептавший ей на ухо нежные признания, заставлял её сердце биться в сумасшедшем, лихорадочном ритме.

При наступлении рассвета, когда хмурое небо над Санкт-Петербургом наконец окрасилось в первые, нежно-розовые и золотистые тона, а туман над зеркальным заливом стал похож на прозрачное кружево, шумная толпа выпускников притихла. Все заворуженно всматривались в рождение нового дня, знаменующего начало новой эпохи. Глеб и Кира стояли на самом

краю смотровой площадки, вдали от остальных. Юноша медленно повернулся к ней, и в его потемневших глазах отразились первые робкие лучи. Он бережно, словно хрупкую фарфоровую ценность, впервые взял Киру за её длинные, музыкальные пальцы. Его ладонь была горячей и сухой. Глеб медленно поднес её изящную кисть руки к своим губам и нежно, трепетно поцеловал тонкую кожу.

Кире стало невыносимо приятно. От этой внезапной, сокрушительной нежности по её телу мгновенно разлилось благодатное, нежное тепло, прогоняющее утреннюю прохладу. Шампанское окончательно ударило в голову, лишая сил сопротивляться зарождающемуся чувству. По коже прокатилась внезапная, пронзительная волна трепета, заставившая дыхание замереть. Глеб, почувствовав её податливость, сделал полшага вперед, полностью перекрывая своими широкими плечами остальной мир. Он нежно наклонился к её лицу, его горячее дыхание коснулось её виска, и он потянулся к её губам.

Поцелуй был нежным и глубоким одновременно. В нем удивительным образом смешались вся его двухлетняя затаенная тоска, юношеская страсть, робость первой любви и бездонная нежность. У Киры мгновенно перехватило дыхание, голова закружилась, а пальцы судорожно впились в ткань его праздничного пиджака. Ей казалось, что этот рассвет на Сопке любви — начало их долгого, безупречного и счастливого будущего. Она верила ему каждой крупницей своей юной души.

Свежий, слепящий рассвет окончательно озарил всё в округе, окрасив шпили питерских соборов в благородное золото и заставив неоновые огни погаснуть. Розовый туман над зеркальной гладью залива медленно таял под первыми теплыми лучами солнца, и веселая, уставшая толпа выпускников потихоньку начала рассасываться. Кто-то шумно направлялся к автобусам, кто-то спорил о грядущих экзаменах, а Кира и Глеб всё так же стояли у самого края смотровой площадки, словно замороженные магией этого утра.

Резкий утренний ветер с залива заставил девушку поежиться. Заметив, как вздрогнули её обнаженные плечи, Глеб немедленно снял свой праздничный пиджак и бережно накинул его на хрупкую фигурку Киры. Ткань, сохранившая тепло его тела и едва уловимый аромат дорогого мужского парфюма, мгновенно согрела её. Кира плотнее укуталась в пиджак, скрывая под ним воротник платья, и они потихоньку пошли домой по пустынным, залитым рассветным солнцем питерским улочкам. Шорох их шагов по сухому асфальту нарушил тихий, но уверенный голос Глеба. Его правильные, строгие черты лица были сосредоточены, а в темных глазах горела стальная решимость человека, который принял главное решение в своей жизни. — Кира, я собираюсь поступать вместе с тобой в институт, — твердо произнес он, слегка сжимая её длинные, музыкальные пальцы в своей горячей руке. — На тот же факультет, что и ты. Сразу после сдачи экзаменов мы можем пойти и подать документы в один день. Я хочу быть рядом.

Кира удивленно вскинула на него свои огромные серо-зеленые глаза, и её лицо отразило тень растерянности. Её природная рассудительность и ум не могли позволить ей просто слепо поддаться эмоциям этого волшебного утра. — Но, Глеб... Я ведь подаю документы в архитектурно-строительный, — мягко ответила девушка, поправляя прямые, тяжелые пряди волос цвета темного шоколада, растрепанные ветром. — А как же твоя мечта? Ты ведь все эти годы только и говорил о том, что спишь и видишь, как станешь инженером-нефтяником. Ты собирался уехать работать на Дальний Восток, строить там карьеру, осваивать новые месторождения... Это же цель всей твоей жизни!

Глеб резко замер посреди пустынного тротуара, заставив Киру остановиться вместе с ним. Юноша повернулся к ней, его широкие плечи полностью закрыли от неё солнце, погрузив её лицо в теплую тень. Он заглянул в самую янтарную глубину её глаз, и решительно подался

вперед.— Плевать на Дальний Восток, Кира, — низким, бархатным голосом, от которого у девушки снова перехватило дыхание, произнес Глеб. — Мои планы изменились в ту секунду, когда ты ответила на мой поцелуй на сопке. Я просто не хочу с тобой расставаться. Ни на один день, ни на один час. Архитектурный — значит, я буду архитектором. Главное, чтобы мы были вместе. Кира смотрела на этого безумно влюбленного, преданного парня, чувствуя, как по телу разливается теплая, волнующая дрожь. Ей казалось, что эта юношеская влюбленность — самая прочная вещь на свете, способная выдержать любые шторма.

Клятвы и золотой сентябрь Экзаменационная лихорадка пролетела как один бесконечный, наполненный волнением день. Наступило самое замечательное, благодатное время в их жизни — абсолютная, звенящая свобода питерского лета, когда будущее казалось бесконечным и безоблачным. А затем пришло известие о зачислении. Глеб сдержал свое слово, наступив на горло собственной мечте о Дальнем Востоке: его фамилия красовалась в списках студентов архитектурного института на том же факультете, прямо над именем Киры. Первый месяц осени прошел для них как в тумане, словно они плыли внутри прекрасного, затяжного сна. Золотой сентябрь осенил Санкт-Петербург мягким теплом, расцветившая аллеи Летнего сада багрянцем. Для Киры это было время абсолютного, головокружительного счастья. Бесконечные встречи у Казанского собора, свидания на крышах под крики питерских чаек, охапки её любимых цветов, которые Глеб упрямо дарил ей каждую неделю, и прогулки теплыми ночами вдоль зеркальных набережных Невы. Каждый раз, когда они останавливались в тени старинных гранитных арок, между ними вспыхивало то самое мощное, пугающее своей силой притяжение. Его глубокие и чувственные поцелуи лишали Киру всякого рассудка. В эти секунды по её телу пробегала лихорадочная, сладкая дрожь, а сильное волнение от близости его широких плеч заставляло сердце биться в сумасшедшем ритме. У девушки перехватывало дыхание от невыносимой, глубокой нежности. Глеб провожал её до самого дома, удерживая её длинные, музыкальные пальцы в своей горячей ладони до самого рассвета. Эти долгие проводы под бледнеющим питерским небом всегда заканчивались тихими, отчаянными клятвами в вечной любви. Юноша, чьи строгие черты лица в утренних сумерках казались взрослее и серьезнее, прижимал Киру к своей груди, зарываясь лицом в её тяжелые пряди цвета темного шоколада. — Как только мы обустроимся в институте и сдадим первую сессию, мы сразу же подадим документы в ЗАГС, Кира, — хрипло, со стальной решимостью шептал Глеб прямо в её приоткрытые, пухлые губы. — Мне плевать на условности и на то, что скажут родители. Я жить без тебя не могу. Ты — воздух, которым я дышу. Если тебя не будет рядом, весь этот мир потеряет для меня всякий смысл.

Глава 2

Глава 2. Трещина на зеркале

Октябрь ворвался в Санкт-Петербург сырым, пронизывающим ветром и холодными, затяжными дождями, которые всего за несколько дней безжалостно смыли последнее золото с аллея Летнего сада. Лихорадочный, пьянящий сентябрьский сон подошел к концу, уступая место серым студенческим будням и тяжелому свинцовому небу. В тот вторник Глеб впервые не пришел на утренние пары. Кира сидела в поточной аудитории, бездумно глядя на чертежную доску, но её огромные серо-зеленые глаза оставались отрешенными от происходящего вокруг. Внутри росло противное, глухое предчувствие беды. Глеб никогда не опаздывал и всегда предупреждал её, если задерживался хотя бы на пять минут. Кира безумно нервничала, её длинные, музыкальные пальцы судорожно сжимали карандаш, а в груди разливался неприятный, тревожный холод.

Как только прозвенел звонок, знаменующий окончание лекции, она выбежала в пустой коридор и торопливыми, дрожащими пальцами набрала его номер. В трубке была пугающая, звенящая тишина. Ни гудков, ни автоматического голоса оператора — телефон Глеба был мертв. Кира не на шутку разволновалась, чувствуя, как лихорадочная дрожь расползается по телу. Её лицо побледнело. Глеб обещал ей, что они никогда не будут скрывать ничего друг от друга, но это внезапное молчание казалось предвестником надвигающегося шторма.

Рассуждать и строить догадки Кира не стала. Её природная рассудительность и ум требовали немедленных действий. Накинув строгое кашемировое пальто, и наспех перехватив прямые, тяжелые волосы цвета темного шоколада заколкой, она выбежала под питерский ливень. Через полчаса она уже стояла в старом питерском подъезде на Петроградской стороне — с высокими потолками, пахнущем сыростью и старинным деревом. Поднявшись на третий этаж, Кира замерла у дверей квартиры Глеба. К её огромному удивлению, массивная дубовая створка была неплотно прикрыта, оставляя узкую щель в несколько дюймов. Изнутри доносился тихий, прерывистый плач и резкий запах успокоительных капель.

В дверном проеме показался Глеб. Юноша стоял спиной к прихожей, но его широкие плечи были судорожно опущены, полностью потеряв прежнюю гордую и уверенную осанку. Он крепко обнимал за плечи свою мать — хрупкую женщину, чья голова в траурном платке мелко дрожала от беззвучных слез. Глеб тихо, низким хриплым баритоном шептал ей какие-то слова, пытаясь унять её бездонное горе. На его лице, обычно таком открытом, застыло выражение глухой усталости и ранней взрослой суровости. Чуть поодаль, прислонившись спиной к стене коридора, сидел его младший брат Денис — четырнадцатилетний подросток. Он со злостью и растерянностью кусал губы, упрямо пряча глаза. Денису сейчас требовалось пристальное, жесткое внимание: переходный возраст, бунтарский характер, который и в мирное-то время доставлял семье немало хлопот, а теперь, без твердой мужской руки, грозил полностью выйти из-под контроля.

Именно здесь, на пыльной лестничной площадке третьего этажа, Кира и поняла, что у Глеба умер отец. В их дом пришла страшная, непоправимая трагедия. Глава семьи, сильный и надежный мужчина, на котором держалось всё, ушел внезапно, оставив Глеба единственной опорой для сломленной горем матери и сложного подростка. Кира не стала без приглашения заходить в квартиру и нарушать интимность чужого несчастья. Проявив чуткость и благородство, она бесшумно отступила назад в тень лестничного марша. Девушка решила дожидаться, когда Глеб сам найдет в себе силы сказать ей, что именно произошло и как им жить дальше.

Она укуталась в воротник пальто и медленно пошла вниз по ступеням, понимая, что их беззаботная юность закончилась в эту самую секунду.

Глеб исчез на четыре бесконечных дня. Четыре дня, которые показались Кире сплошной, выматывающей душу пыткой. В институте жизнь текла своим чередом, но для неё всё вокруг замерло. В журнале посещаемости напротив фамилии Глеба методично, одна за другой, появлялись безжалостные отметки о пропусках. Его мобильный упорно отвечал мертвой тишиной. Рассудительность и гордость удерживали Киру от того, чтобы снова прийти без приглашения в чужую беду, но внутри неё всё разрывалось от неизвестности. Её черты лица заострились от недосыпа, а в груди тянуло тупой, непрекращающейся болью. И вот, наконец, в пятницу, он появился. Глеб вошел в аудиторию прямо перед началом поточной лекции. Кира замерла, и у неё перехватило дыхание. Перед ней стоял совершенно другой человек. Он сильно осунулся, побледнел и казался буквально черным от бессонных, мучительных ночей. На его лице проступила жесткая щетина, а в темных глазах застыл холодный, свинцовый лед. Глеб сел на самую дальнюю парту. На протяжении всех лекций он оставался холоден и молчалив, ни разу не повернув головы в её сторону.

Разговор между ними состоялся только после окончания всех пар, во внутреннем двореике института, под серым питерским небом. Кира стояла перед ним в своем строгом кашемировое пальто, судорожно сжимая длинные, музыкальные пальцы в карманах. Её огромные серо-зеленые глаза умоляюще впились в его каменное лицо.

— Глеб, почему ты молчал? Что случилось? — тихо, едва сдерживая внутреннюю дрожь, спросила она. Юноша посмотрел на неё сверху вниз, и его широкие плечи судорожно напряглись. Он больше не был тем нежным мальчиком с Сопки любви.

— Мой отец умер, Кира, — его низкий бархатный голос прозвучал пугающе ровно. Так говорят люди, в чьей душе выжжено всё дотла. — Это случилось четыре дня назад. Нам пришлось срочно организовывать похороны. Я... я принял решение. Я ухожу из института. Кира почувствовала, как земля уходит у неё из-под ног, а осколки их золотого сентября со звоном сыплются на асфальт.

— Уходишь? Но как же наши планы? Как же твоя учеба? Мы ведь можем справиться вместе!

— Нет, не можем, — отрезал Глеб, и на его лице проступила суровая, взрослая жесткость. — Я должен пойти работать, прямо сейчас. Моя мать никогда в жизни не работала, она не справится одна. Нам банально не на что жить. И кроме того... кроме того, теперь нужен жесткий уход и надзор за моим братом Денисом. Ему четырнадцать, он отбилась от рук, и если я сейчас не стану для него главой семьи вместо отца, он покатится по наклонной. Я забираю документы, Кира. Моя юность закончилась.

В воздухе между ними пов

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.